

Н. Н. Аблажей

«Замужем за иностранцем...»: шанс на невозвращение в послевоенный СССР

Во многом начало советской эпохи правомерно связывать с формированием государственной политики в сфере гражданства. Гражданство при большевиках, как справедливо отметил специалист в этой области, американский исследователь Эрик Лор, по сути, стало «формой советского подданства»¹, что, по нашему мнению, предопределило нарастание тенденции к «закрытию» страны. Благодаря институту гражданства власть получила широкие возможности осуществлять контроль над обществом, проведя границу между «своими» и «чужими»; определять и регулировать права граждан и неграждан; осуществлять массовые репрессии. Ключевой проблемой социальной истории большевистской России является формирование новой концепции гражданства в классовом обществе, которое сопровождалось выделением внутри страны «изгоев», к каковым можно отнести и постоянно живущих в стране иностранцев². Важным в этой связи представляется вывод Э. Лора о том, что раннесоветская политика в области гражданства определялась последствиями Первой мировой и Гражданской войн, строилась на принципе политической лояльности к власти и преследовала цель минимизировать количество иностранцев в стране³.

Относительную открытость Страны Советов, характерную для первого послереволюционного десятилетия, сменил курс на автаркию, проявления которой можно найти в разных сферах политики и практики, в том числе в области регулирования сферы семейно-брачных отношений. Интерес к советской брачной политике среди специалистов обусловлен в первую очередь демографической

Аблажей Наталья Николаевна
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт истории СО РАН
(Россия, Новосибирск)

проблематикой, что предопределило периферийность сюжета о смешанных браках. Тема интернациональных браков межвоенного периода в контексте анализа формирования института советского гражданства, политики в области натурализации, эмиграции и иммиграции тем не менее отражена, хоть и фрагментарно, в работах западных исследователей Юрия Фельштинского⁴, Гальфо Алексопулос⁵ и упомянутого Эрика Лора. Интерес к ней прослеживается и в работах, затрагивающих историю диаспор в СССР, в том числе в плане изучения репрессий в отношении иностранцев, но вновь речь идет о межвоенном периоде. В то же время Вторая мировая война, как и Первая мировая, вновь актуализировала сюжеты, связанные с проблематикой гражданства перемещенного населения, анализа реалий повседневности, в том числе в сфере семьи и брака, но все эти вопросы еще ждут своего исследователя. На данный момент среди отечественных специалистов на сюжет с интернациональными браками обратил внимание только Павел Полян⁶, в контексте изучения истории плена и послевоенной репатриации в СССР.

Как уже было замечено, вопросы натурализации, статус и положение иностранцев и лиц без гражданства и тема интернациональных браков взаимосвязаны. Эта зависимость обуславливает необходимость констатации некоторых сложившихся в СССР в 1920–1930-е гг. реалий. Политика в области натурализации была крайне противоречивой, но в целом ее можно считать «открытой» в плане предоставления советского гражданства иностранцам из числа лиц рабоче-крестьянского происхождения. Помимо собственно иностранцев, временно прибывших в страну по экономическим и иным мотивам, имелась большая категория лиц, которую можно квалифицировать как «ненатурализовавшихся иностранцев». Политика по уравниванию прав граждан и иностранцев была ориентирована в первую очередь на таких, постоянно проживавших в стране, как имевших иностранное гражданство, так и не подтвердивших статус иностранца, но заявлявших о своей принадлежности к другому государству. С 1926 г. всех, кто не имел на руках иностранных паспортов и видов на жительство в СССР, стали относить к советским гражданам. Однако с начала 1930-х гг. положение иностранцев в Советском Союзе стало стремительно меняться.

Политика уравнивание иностранцев и граждан, характерная для первого десятилетия, отразилась в семейном праве. Законодательных запретов на вступление в брак «советских» с иностранцами и апатридами не существовало. Более того, нормы, прописанные в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС) РСФСР 1918 г. в части регулирования интернациональных браков, не имели прецедента в международной практике, что сразу противопоставило советское семейное право иностранному. В ситуации «разногражданства» вступающих в брак оговаривалось право выбора гражданства, имелось в виду в первую очередь советское (при возможности получения его на общих основаниях) для обоих партнеров. Отныне брак для женщины не означал автоматическую потерю прежнего гражданства и получение другого. Не исключалась возможность и денатурализации в будущем для обоих супругов⁷. На практике с 1921 г. супругам

все чаще рекомендовали «определиться с гражданством», подав ходатайство о приобретении или отказе от советского гражданства. С 1921 г. стал регламентироваться гражданский статус детей, рожденных в интернациональных браках. Получение советского гражданства вторым родителем после заключения брака автоматически делало малолетних детей гражданами. В случае, если у родителей сохранялось разное гражданство, в отношении детей оно определялось соглашением сторон, но в возрасте 14 лет, будучи несовершеннолетними, дети уже имели право выбора — им давалась возможность обратиться с ходатайством о получении советского гражданства⁸.

Принцип сохранения гражданства в случае интернационального брака провозглашался и «Положением о союзном гражданстве», утвержденным ЦИК СССР 29 октября 1924 г. Вновь допускалась возможность для обоих супругов изменить гражданство (как иностранное, так и советское). Однако смена гражданства родителями не влияла на гражданство детей. Оно менялось лишь в том случае, если оба родителя становились гражданами СССР или переставали ими быть; одновременно детям предоставлялась возможность получения советского гражданства в будущем⁹. Новый Кодекс законов о семье, браке и опеке (КЗоБСО) РСФСР 1926 г. уже однозначно констатировал принцип сохранения супругами своего национального гражданства, но предусматривал возможность получения советского гражданства в упрощенном порядке. Дети, как и раньше, приобретали право на получение советского гражданства автоматически, по факту рождения, если хотя бы один из родителей, будучи советским гражданином, находился на территории страны. В иных случаях гражданство определялось соглашением сторон, а детям по-прежнему предоставлялось право подать ходатайство о получении гражданства СССР до достижения совершеннолетия¹⁰.

В 1920-е гг. имела место практика регистрации браков иностранными консульскими учреждениями. При этом брак мог быть заключен и на общих основаниях, в учреждении ЗАГС. При консульских браках следовало информировать советскую сторону. Она, в свою очередь, могла такой брак аннулировать¹¹. Заключенные за границей по местным законам интернациональные браки советская сторона какое-то время признавала. Впоследствии применение норм иностранного семейного права не допускалось, поэтому в отношении граждан, проживающих за границей, вопросы брачности также определялись исключительно законодательством СССР. Уже со второй половины 1920-х гг. браки советских граждан с иностранцами, заключенные иностранными консульствами, советской стороной перестали признаваться. Интернациональный брак мог быть заключен только по советским законам и подлежал обязательной регистрации в органах ЗАГС.

Однако ввиду того, что фактический брак имел в то время также и юридический статус, будучи почти приравненным к официальному, интернациональные семейные пары не имели особых законодательных стимулов для регистрации своих отношений. Это касалось как имущественных отношений, так и прав на детей. Аргументы в пользу официального брака появлялись лишь при выезде из страны. Если брак был зарегистрирован органами ЗАГС, то препятствий

для выезда из страны советских жен иностранцев не было. Но это продолжалось недолго. С началом 1930-х гг. в стране прекратилась выдача видов на жительство лицам, не имевшим национальных паспортов (а также владельцам паспортов, признанных недействительными или просроченными), но заявлявшим о принадлежности к иностранному государству. В нормативной практике в отношении таких лиц стали использоваться термины «иноподданные» или «бывшие иноподданные». Одновременно провели тотальный учет иностранцев, в связи с чем обязали консульства уведомлять советскую сторону обо всех заключенных браках, в том числе предоставлять информацию о фактах записи супруга с советским гражданством в паспорт иностранца. Целью подобных действий была проверка наличия документов о выходе из советского гражданства. Введение в СССР с начала 1930-х гг. выездных виз существенно затруднило выезд за границу на постоянное жительство. С 1933 г. получение выездной визы из СССР с целью эмиграции было сопряжено с выходом из советского гражданства и потерей права на возвращение в страну¹². Отныне выезд из страны на ПМЖ стал возможен только при условии отказа от советского гражданства.

Сложившаяся в СССР к 1930-м гг. нормативно-правовая практика в области гражданства давала значительные возможности расширительного толкования национально-гражданского, а соответственно, и правового статуса, что создавало основания для дискриминации иностранцев и лиц без гражданства. Конституция 1936 г., а позднее и Закон о гражданстве от 19 августа 1938 г., принятый Верховным Советом СССР, еще больше укрепили границу гражданства, окончательно отделив граждан СССР от иностранцев и лиц без гражданства, т. е. собственно граждан от неграждан. К последним были отнесены все лица, проживавшие на территории СССР, но не обладавшие советским гражданством и не доказавшие принадлежность к иностранному государству. За ужесточением законодательства последовали репрессии, которые приняли самые различные формы, вплоть до политического террора. В годы Большого террора в стране было ликвидировано больше половины иностранных консульств, прошли репрессии в отношении «инонационалов», «инограждан» и иностранцев. Под удар попали не только иностранцы и бывшие иноподданные, но и члены интернациональных семей. Любые связи с заграницей или наличие там родственников рассматривались как компрометирующие, а «связь с иностранцем» — как несомненное доказательство «неблагонадежности» гражданина.

Закон «О гражданстве» 1938 г. допускал брак советского гражданина или гражданки с лицом, не имеющим гражданства СССР¹³. Наличие советского гражданства у одного из родителей было достаточным основанием для установления гражданства, независимо от места рождения или желания родителей; усыновление советских детей иностранцами также не влекло смены гражданства. Все это, как справедливо отметила Гальфо Алексопулос, привело к тому, что советские граждане в итоге фактически «потеряли право отказаться от советского гражданства»¹⁴.

Если предвоенные репрессии и высылки привели к десятикратному сокращению численности иностранцев в СССР, то к моменту окончания Второй

мировой войны она значительно выросла. Источниками пополнения стали не только плен и репатриация, но также серия кампаний по выявлению и регистрации среди населения иностранных подданных, лиц, не имеющих гражданства, а также «бывших иноподданных, принятых в советское гражданство».

Война привела к существенной трансформации брачно-семейных отношений. Важные изменения в брачный кодекс 1926 г. внесли Указы Президиума Верховного Совета СССР 1936 и 1944 гг. Указ от 8 июля 1944 г. ликвидировал институт фактического брака, а всем гражданам, состоявшим в неофициальных отношениях, следовало зарегистрировать брак с указанием срока фактической совместной жизни¹⁵. В целом меры, принятые правительством в 1944–1945 гг. были направлены на укрепление института брака и семьи. Таким образом власть пыталась влиять на демографическую ситуацию.

Возвращаясь к проблематике интернациональных браков в СССР, необходимо отметить, что тема не стала предметом специального исследования, хотя Указ Президиума Верховного Совета СССР 1947 г. о запрете браков с иностранцами широко известен. В воспоминаниях и художественной литературе о войне можно найти немало историй о «связях» советских гражданок с военнопленными из числа граждан Германии и ее союзников, «заграничных романах» мужчин-военнослужащих с иностранками. Случалось, что «семейный вопрос» становился причиной отказа от возвращения на родину и обращения за советским гражданством. Широко известны несколько громких случаев, когда советским гражданкам, вышедшим замуж за дипломатов, удалось после войны покинуть СССР¹⁶. Подборка архивных материалов по делам о браках между советскими и иностранными гражданами представлена в документальном издании «Советская жизнь. 1945–1953»¹⁷.

Изучение темы интернациональных браков невозможно в отрыве от истории послевоенной репатриации. Специалист в этой области Павел Полян различает фактические, официальные и фиктивные браки, классифицируя их для репатриантов по трем типам: 1) брак с иностранцем/иностранкой; 2) брак с пленным иностранцем стран антигитлеровской коалиции, подлежащим обязательной репатриации на родину; 3) брак советского военнослужащего с иностранкой. Полян интерпретирует брачную стратегию репатриантов как способ легитимного «невозвращенчества»¹⁸ в СССР. Внутри страны брачность советских граждан с иностранцами регулировалась директивами органов внутренних дел и жесткими административными мерами. Что касается советских мужчин-военнослужащих вне пределов страны, то приказами по армии и секретными директивами Наркомата обороны СССР браки с иностранками интерпретировались как нежелательные и фактически запрещались¹⁹. Вместе с тем вне контроля оказалась довольно многочисленная категория советских гражданок, угнанных за границу на работы и там вышедших замуж.

В обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала указывалось, что немецкие оккупационные власти принудительно вывезли из СССР на работы в Германию почти 5 млн чел. гражданского населения²⁰. На сегодняшний день считается, что за годы войны было взято в плен, угнано, выехало на работы с территории СССР 10,1²¹–10,5 млн чел.²² По оценкам П. М. Поляна, число

перемещенных за довоенные границы СССР при учете смертности составило около 8,7 млн чел., включая приблизительно 5,45 млн гражданских лиц и 3,25 млн военнопленных²³. На момент окончания войны свыше 3 млн чел. оказались в зоне действия союзников, менее 2 млн чел. — в зоне влияния СССР в Европе. На момент капитуляции Германии представители Уполномоченного по делам репатриации при СНК СССР успели разыскать и учесть на территории рейха более 2,2 млн чел., из которых к этому времени более 1,6 млн²⁴ удалось репатриировать.

Основные принципы репатриации были согласованы странами-победителями в Ялте, и Советский Союз неукоснительно требовал их соблюдения. До осени 1945 г. Запад придерживался принципа обязательной репатриации на основании гражданства, но потом к этому вопросу стали подходить более вариативно. Основную массу перемещенного населения составили «восточные рабочие» и «остарбайтеры-западники», среди которых доля молодых женщин была значительной. Некоторые из них за время войны, находясь на территории Европы, вышли замуж (официально или нет), у многих родились дети. По данным Управления по репатриации, процент женщин старше 16 лет среди остарбайтеров и военнопленных в зонах, подконтрольных союзникам, составлял почти 28,5 %, а среди гражданского населения доходил до 44,6 %²⁵.

Массовую репатриацию провели в 1945 г. Уже к сентябрю этого года общее количество советских граждан, вернувшихся или находящихся в пути в СССР, составляло более 5,1 млн чел.²⁶ За лето 1945 г. из западных зон оккупации союзники передали советской стороне более 1,5 млн чел.²⁷ К концу года это число превысило 2 млн, к марту 1946 г. эта цифра достигла 2,3 млн чел.²⁸ В целом массовую репатриацию советских граждан удалось завершить к первой половине 1946 г. К весне 1946 г. возвращение советских граждан практически остановилось. Отношения с союзниками ухудшались, и за последующие семь лет в СССР возвратилось лишь около 250 тыс. чел. Всего в СССР в рамках послевоенной репатриации вернули почти 5,5 млн чел.²⁹

Вопрос о возвращении в СССР перемещенных советских граждан, вступивших в брак с иностранцами, был поднят еще в годы войны. В начале 1945 г. за разъяснениями в Наркомат иностранных дел СССР обратилось Управление уполномоченного СНК (позднее Совета министров) СССР по делам репатриации. Именно эта структура, действовавшая под руководством генерал-полковника Ф. И. Голикова, с октября 1944 г. по март 1953 г. была головной при проведении репатриации. На нужды репатриации были замкнуты не только мощный аппарат Управления, но и спецорганы, армия и дипломатические службы.

Уже в январе 1945 г. на обращение НКВД СССР от заместителя начальника Уполномоченного СНК по делам репатриации генерал-лейтенанта К. Д. Голубева были получены следующие разъяснения относительно репатриации советских граждан, вступивших в брак с иностранцами. Во-первых, разрешалось возвращение в СССР только тем советским гражданам, которые до начала войны проживали на территории СССР и оказались за границей в качестве интернированных и военнопленных. Во-вторых, въезд в СССР членов их семей, являющихся подданными иностранных государств, был возможен только после

принятия их в гражданство СССР на общих основаниях. Исключение составляли случаи, когда муж советской гражданки или жена советского гражданина, будучи иностранными подданными, проявили себя открытыми сторонниками СССР и непримиримыми противниками фашизма. В-третьих, рекомендовалось не препятствовать советским гражданам из числа военнопленных и интернированных оставаться за границей на длительное время в случае, если на ходатайство о гражданстве и въезде в СССР членов семьи был получен отказ. Предлагалось повторное рассмотрение заявлений по вопросам гражданства. В случаях, когда советские граждане совершили преступления против народа и государства, их следовало возвращать в СССР принудительно³⁰. С апреля 1945 г. советская сторона заняла более жесткую позицию. НКВД СССР и Управление по делам репатриации выработали согласованную точку зрения, согласно которой «женщин советского гражданства, вступивших в брак с иностранцами за границей и отказывающихся вернуться в СССР, следовало лишать советского гражданства. Представления о лишении советского гражданства должны были направлять консульства в Комиссию Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов приема, выхода и лишения гражданства СССР»³¹.

При этом пропаганда утверждала, что брак с иностранцем не станет препятствием и основанием для невозвращения в СССР. Так, в одном из июльских 1945 г. номеров газеты «Родина зовет» было приведено следующее разъяснение: «Некоторые наши девушки и женщины необдуманно вступили в брак с иностранцами. Супружество, как известно, не может изменить подданства супругов. Все девушки и женщины, вышедшие замуж за иностранцев, должны также в кратчайший срок явиться на сборные пункты. В интересах их будущего все такие браки должны быть немедленно расторгнуты. Тот, кто связал свою судьбу с иностранцами или иностранками, переживает сейчас драму. Но тот, кто пойдет против требований Родины, эту драму превратит в трагедию»³². Родина указывала для репатрианта только один путь — «не раздумывать, не медлить, идти на ближайший советский сборный пункт», и требовала «честно выполнить свой долг» — репатриироваться или в противном случае стать «недостойным прощения преступником», который все равно «не останется на чужой земле».

Первая статистика браков советских граждан с иностранцами в отчетах репатриационных служб появилась только к лету 1945 г. Данные были фрагментарны и не отражали реальной ситуации. Поэтому Наркомат иностранных дел дал указания затребовать от всех советских дипломатических служб в Европе информацию о количестве вступивших в брак с иностранцами советских граждан, перемещенных в годы войны. Из первых полученных ответов следовало, что советские посольства вообще не регистрировали подобные браки. Более того, никто к ним за такими разрешениями и не обращался. При этом дипслужбы подтвердили, что имеется значительное количество советских гражданок, вышедших в Германии замуж за иностранцев в период своего нахождения на принудительных работах.

У советской стороны было понимание, что среди советских граждан, вступивших в брак и имевших детей, есть те, кто откажется возвращаться на

родину. Несколько случаев наглядно показали, что ситуация может обернуться обострением отношений с союзниками. В советской зоне оккупации в Европе действовали жестко. В частности, директива № 1065 от 27 марта 1945 г. предписывала категорически запретить отправлять советских жен военнопленных американцев, англичан и французов, взятых немцами в плен и освобожденных Красной армией, в транзитные лагеря для военнопленных вместе с мужьями, а перемещать их в армейские сборно-пересыльные пункты. Управлению по делам репатриации в середине мая 1945 г. стало известно, что при репатриации французских граждан во Францию выехала большая группа советских женщин, которые, будучи в немецких лагерях, вышли замуж за французов. По информации уполномоченного во Франции генерала В. М. Драгуна, в трех приемных пунктах в г. Лилль на севере Франции, в которых размещали прибывших из Германии, находились и советские граждане. Как констатировала советская сторона, «французы массово везут с собой советских гражданок в качестве жен». По прибытии на территорию Франции женщины меняли подданство, получая документы на право жительства в этой стране. Офицерам советских репатриационных служб удалось перенаправить на советские сборные пункты около 900 советских гражданок, прибывших вместе с французами. Примерно 400 женщин были насильно лишены документов на право жительства во Франции, что вызвало резкую реакцию французской стороны. По приказу министра Фране, возглавлявшего ведомство по пленным и депортированным, советским офицерам с 26 мая 1945 г. был закрыт доступ на французские сборные пункты³³. Советская сторона подала протест, а генералу В. М. Драгуну были даны указания добиваться репатриации в СССР всех советских граждан.

Препятствуя любым попыткам остаться на Западе и стимулируя возвращение в СССР, 24 июля 1945 г. власть сделала шаг в сторону легализации заключенных в период войны браков советских граждан с иностранцами. СНК СССР принял Постановление № 1860-496с «О выезде из СССР советских граждан и о въезде в СССР советских граждан в случаях вступления в брак в период войны», подписанное И. В. Сталиным. Как и большинство такого рода решений, оно прошло под грифом «секретно». Согласно данному документу, предписывалось:

«1. Не препятствовать советским гражданкам, вступившим за границей в период войны в брак с гражданами союзных государств, следовать со своими мужьями на родину последних по советским загранвидам.

2. Заявления советских граждан, указанных в п. 1-м, которые в связи с браком намерены выйти из советского гражданства, передавать на рассмотрение в Президиум Верховного Совета СССР.

3. Разрешать вопрос о въезде в СССР иностранцам (мужчинам и женщинам), вступившим в брак с советскими гражданами, в индивидуальном порядке»³⁴.

Обговаривался не только порядок въезда-выезда из СССР, фактически супруги получали право выбрать страну проживания. Формально появлялась возможность выхода из советского гражданства. На первый взгляд, данное решение вступало в противоречие с предписанием обязательной репатриации

в СССР всех советских граждан (на чем советское руководство настояло во время Ялтинской конференции), однако это не совсем так. На практике советские дипломатические службы получили, с одной стороны, возможность легализовать положение перемещенных советских граждан в той или иной стране, с другой — право оформлять брак с иностранцами, что в обоих случаях противодействовало смене гражданства.

На основании Постановления СНК СССР № 1860-496с советские дипломатические учреждения стали массово выдавать советским гражданам, вступившим в брак с иностранцами, разрешения на право жительства в стране пребывания и ставить их на учет. В свою очередь, их учет вели и зарубежные миссии, отделы, группы Управления по делам репатриации, что давало дополнительные возможности для выявления советских граждан и уточнения их семейного статуса. Так, на запрос о ситуации по Югославии от посла И. В. Садчикова был получен следующий ответ: «405 советских гражданок, о которых Вы нам писали, вышли замуж за югославов во время своего пребывания на принудительных работах в Германии, откуда они со своими мужьями и прибыли в Югославию. Посольство впредь до их оформления, на основании решения Совнаркома СССР от 24 июля 1945 г., выдало им справки, необходимые для получения от югославских властей разрешений на право их жительства в Югославии»³⁵. При этом репатриационный отдел по Балканским странам особо отмечал, что в отношении бывших советских военнопленных, женившихся на гражданках Югославии, проводится обязательная репатриация. Отсрочки получали лишь служившие в Народно-Освободительной армии Югославии и работающие в отделе репатриации. Из отчета по Балканам за март 1946 г. следовало, что из числа советских гражданок, вышедших замуж за югославов и греков, в Югославии находилось 333 женщины, в Греции — 60³⁶.

Ситуация по динамике брачности советских граждан (в первую очередь женщин) находилась под пристальным вниманием репатриационных служб приблизительно год, что совпало по времени с проведением массовой репатриации в СССР. Начальник штаба представительства Управления Уполномоченного по делам репатриации советских граждан на территории Западной Европы майор Березин докладывал о ситуации трижды в месяц. По его данным, на 1 июля 1946 г. по Франции «вступивших в брак» числилось 1220 чел., из них 400 чел. оформили брак и получили советские разрешения на жительство во Франции; 190 чел. оформили брак в советском посольстве и ожидали оформления документов на въезд в СССР с мужьями; 680 чел. прошли регистрацию как советские граждане, вступившие в брак с французами, но не оформили документы о браке в Посольстве СССР в связи с тем, что их брак оформлен французскими властями по месту жительства. В Бельгии таких было 322 чел., из них 25 чел. оформили свой брак в Посольстве СССР и получили паспорта на жительство в Бельгии; 139 чел. оформили брак по месту жительства в Бельгии; 158 чел. прошли регистрацию как советские граждане, вступившие в брак с бельгийцами, но не оформившие таковой в Посольстве СССР ввиду того, что собирались выехать на родину. В Голландии числилось 643 чел., из них 33 чел. оформили свой брак в посольстве СССР и получили советские разрешения на

жительство в Голландии, остальные 610 чел. учтены как проживающие в Голландии и не прошедшие регистрацию³⁷.

Статистика, поступавшая в Управление по делам репатриации, фиксировала рост интернациональных браков. По данным на 10 июля 1946 г., вступили в брак с подачей документов на статус постоянного проживания: во Франции — 590 чел., в Бельгии — 164, в Голландии — 33, в Люксембурге — 1 чел. Количество лиц, зарегистрированных советскими миссиями как вступившие в брак, но при этом не оформившие его в советских дипломатических службах, составило: во Франции — 936, в Бельгии — 129, в Голландии — 609³⁸. Почти аналогичную статистику дает и отчет за 20 августа 1946 г.³⁹ При этом в отчете по Бельгии на 30 сентября 1946 г. указывалось, что 182 советские женщины вышли замуж за бельгийцев⁴⁰. Согласно отчету от 1 октября 1946 г., вступило в брак с подачей документов на ПМЖ: во Франции — 616 чел., в Бельгии — 164, в Голландии — 33 чел. Количество лиц, зарегистрированных как вступившие в брак, но не оформившие его в советских дипломатических службах, было, как правило, выше и составило: во Франции — 984 чел., в Бельгии — 139, в Голландии — 609 чел.⁴¹ По данным на 10 декабря 1946 г. по Франции: вступило в брак с постоянным жительством — 616 чел., зарегистрированы как вступившие в брак, но не оформившие таковой — 984 чел.⁴² Наметившаяся тенденция роста числа лиц, стремившихся остаться на родине жены или мужа, подтвердилась и в Италии. В январском (1946 г.) отчете репатриационной миссии указывалось, что здесь «выявлено 64 советских женщины, вышедших замуж за итальянцев, из них: 33 женщины просят, чтобы их оставили в Италии с сохранением советского гражданства, и 7 человек желают выехать с мужьями (итальянцами) в Советский Союз». Далее сообщалось, что репатриационные службы, исходя из «Постановления СНК СССР № 1860-496с от 24 июля 1945 г., ставят задачу репатриировать советских женщин на Родину». В очередном запросе в НКВД от 21 января 1946 г. на имя В. Г. Деканозова заместитель начальника Уполномоченного по делам репатриации К. Д. Голубев вновь хотел иметь точную информацию о «репатриации советских женщин, вышедших замуж за иностранных подданных и не желающих возвращаться в СССР»⁴³. Списки женщин, вышедших замуж за итальянцев и проживающих в Италии, были срочно направлены в Москву⁴⁴.

В целом советским дипломатическим и репатриационным службам удалось в течение первого послевоенного года взять на учет всех советских граждан, которые состояли (или заявляли о том, что состоят) в браке с иностранцами. С лета 1946 г. на делах граждан, отказавшихся оформлять свой брак в советском посольстве, появилась надпись: «Репатриация которых продолжается», что наглядно свидетельствовало о том, что данная категория лиц все же подлежала вывозу в СССР.

В августе 1946 г. случился дипломатический скандал. МИД Франции прислал в Москву ноту протеста, в которой сообщал, что советские офицеры по репатриации якобы насильственно отправили в лагерь для репатрируемых советских лиц гражданку Валентину Чуляк 1926 г. р., которая приехала во Францию из Германии вместе с французом Жульеном Жиле⁴⁵. От совет-

ских властей требовали воссоединения с мужем самой Чуляк и возвращения ее малолетнего ребенка 1944 г. р., который рассматривался как гражданин Франции. В ответ советская сторона заявила, что Чуляк выехала на родину добровольно (была вывезена из Франции в Германию, откуда 29 июля 1946 г. отбыла в СССР). Утверждалось, что еще в мае 1946 г. она обратилась с просьбой выехать на родину, в г. Запорожье Украинской ССР; она якобы утверждала, что ее вывезли во Францию обманом, супруг не разрешает ей говорить по-русски и выходить на улицу, да еще ко всему и бьет. Поскольку французская сторона потребовала письменного заявления от самой Чуляк, из Москвы в горотдел милиции г. Запорожье поступило 8 августа 1946 г. следующее указание: *«Найти Чуляк, побеседовать с ней и добиться, чтобы она лично написала заявление на имя начальника миссии по репатриации в Париже майора Березина с перечислением вышеприведенных фактов и других ненормальностей ее жизни у француза Жиле. В конце заявления должно быть обязательно указано требование отправить ее на родину в СССР. Это заявление немедленно вышлите нам для вручения французам вместе с ответом МИД СССР. Если гражданка Чуляк еще не прибыла из Германии, то проделайте это немедленно, как она прибывает к месту жительства. В устройстве Чуляк, в ее оформлении и обеспечении окажите всю возможную помощь»*⁴⁶. В заключение особо отмечалось: *«Требование французов о ее возвращении во Францию к Жиле Чуляк не объявляйте»*.

Необходимые бумаги от Чуляк (хотя и не рукописные), датированные 11 сентября, были получены начальником миссии в Париже майором Березиным. В ее «заявлении» указывалось: *«В настоящем прошу Вас отправить меня на родину в СССР, так как я была насильно угнанная немецкими работодателями в 1943 году 11 мая и привезенная на работу к помещику Нельц, где работала в доме его 6 месяцев, после чего была направлена на фабрику на работу, работая на фабрике повстречал меня француз Жиле, который обещал выволить меня из Германии и обманным путем увез во Францию в село Широва (Овари). По приезду к нему на дом Жиле предложил мне сожительство, я как угнанная подчинилась и вступила с ним в сожительство без законного брака (я не регистрировалась с ним, подданство не принимала). Француз Жиле, живя со мной, издевался, избивал меня, запрещал говорить мне по-русски, не выпускал из квартиры никуда, а поэтому я нахожусь в тяжелом угнетении. Прошу Вас отправить меня на родину в СССР. Я русская, не могу переживать угнетение и побои, прошу обратить внимание. Не отказывать моей просьбе»*⁴⁷. Так в вопросе «возвращения» была поставлена точка.

К середине 1946 г. массовая репатриация была завершена. На учете оставались в основном советские граждане, вышедшие замуж и оформившие брак с разрешения советских консульских служб. Согласно отчету о работе группы репатриации в Чехословакии, следовало, что с момента начала репатриации было выявлено 24 887 советских граждан, из которых направлено на родину 23 243 чел. Из числа учтенных в ЧСР осталось 1614 советских граждан, из них вышли замуж за чехословацких граждан и оформили брак с разрешения консульского отдела Посольства СССР в Чехословакии, в том числе после принятия разрешавшего браки с иностранцами постановления, — 1322 женщины⁴⁸.

Вместе с тем отмечалось, что среди 17 тыс. чел., подавших заявление на оптацию чешского гражданства, есть советские женщины, которые, «не выйдя замуж за чехов, живут на их содержании, одеваются, обуваются и кормятся за их счет, и это вошло у многих из них в привычку. В основном это относится к нашей молодежи»⁴⁹.

Приблизительно в течение года после окончания войны советским службам удалось выявить советских женщин, вышедших замуж за иностранцев, и поставить их на учет в советских дипломатических учреждениях. В 1947 г. началась очередная кампания по поиску советских граждан из числа перемещенных лиц, состоявших в браке с иностранцами и проживающих за рубежом. СССР стремился завершить репатриацию хотя бы из подконтрольных стран Восточной Европы, поэтому стал жестко давить на сателлитов, требуя содействовать учету и вывозу всех советских граждан.

Значительное число «советских» продолжало оставаться на территории ЧСР в силу того, что часть закарпатских украинцев и русинов оспаривали советское гражданство. Дело в том, что договор от 29 июня 1945 г., заключенный между СССР и ЧСР об уступке Подкарпатской Руси (в советском варианте Закарпатской Украины) Советскому Союзу, и дополнительные протоколы об оптации гражданства и переселении создали гражданско-правовой казус. Договор от 29 июня 1945 г. давал чехословацкой стороне широкие возможности предоставлять чехословацкое подданство путем натурализации. Но при этом бывшие чехословацкие граждане Подкарпатской Руси иных, нежели чешская и словацкая, национальностей автоматически становились гражданами Советского Союза и оставались на территории СССР без права потребовать оптации чехословацкого гражданства и переселения на территорию ЧСР. Второй договор об оптации от 10 июля 1946 г. дал право оптации советского гражданства и переселения в СССР чехословацких граждан украинской, русской и белорусской национальностей⁵⁰. Трактовки соглашений позволяли властям лавировать в вопросе гражданства. Правовая неопределенность сохранялась до лета 1947 г., до тех пор, пока советская сторона не потребовала от МВД ЧСР прекратить натурализацию советских граждан, которые «хотели бы скрыться под чешским паспортом», и передать их «для отправки на Родину»⁵¹. Одновременно советские консультанты подключились к разработке национального закона ЧСР о гражданстве, который был принят 24 июля 1947 г.

В октябре 1947 г. по линии Управления репатриации и МИД был сделан запрос в Прагу относительно численности советских граждан, вступивших в фактический брак с чехословацкими гражданами и имеющих от этих браков детей. Запрос аргументировался необходимостью решения вопроса о возможности оставления упомянутых советских гражданок в ЧСР⁵². При этом указывалось, что, согласно данным на середину мая 1946 г., в ЧСР находилось 1119 советских женщин, вышедших замуж за чехословацких граждан и оформивших свой брак⁵³. По другим данным, таковых насчитывалось к сентябрю 1946 г. 1644 чел.⁵⁴

Представитель в ЧСР Уполномоченного по делам репатриации подполковник Панов указывал в своем ответе, что данных о детях и о сроках выхода замуж нет, поскольку фиксировалось только количество женщин и место их

пробытия в ЧСР⁵⁵. Одновременно Панов спрашивал, как следует учитывать тех женщин, которые имеют от чехов детей, но не могут оформить брак из-за отсутствия документов (указывая на то, что до сих пор таких женщин, как правило, репатриировали — «мы их брали в лагерь и отправляли в СССР вместе с детьми»)⁵⁶.

17 ноября 1947 г. министр МВД ЧСР В. Носек доложил советской стороне через советского уполномоченного Панова, что им подписано распоряжение о конвоировании на сборный пункт в Праге VII-Летне всех советских граждан, не имеющих действующего заграничного паспорта СССР. Указывалось, что исключение составляют лишь женщины, вышедшие замуж за чехословацких граждан до 24 июня 1947 г. и вследствие этого получившие чехословацкое гражданство (закон № 102-1947 г.); лица, имеющие разрешение советских органов на проживание на территории ЧСР; эмигранты, которые лишились советского гражданства после 1917 г. Также указывалось, что все опанты из Закарпатской Украины, которые не предоставят документы до конца года, также будут репатрированы в СССР⁵⁷. Все управления Службы национальной безопасности ЧСР получили указание разыскивать советских граждан, находящихся на территории ЧСР и подлежащих репатриации. Со своей стороны, чехи рассчитывали на ускорение репатриации чехословацких граждан с территории Закарпатской Украины, отошедшей к СССР.

В 1948 г. советским органам, проводившим репатриацию, было дано очередное указание обеспечить учет всех женщин, официально вышедших замуж за иностранцев, в том числе в странах советской зоны. Более того, Управление даже намеревалось провести учет в целях возможной репатриации украинок, переехавших в годы войны из Закарпатья и заключивших браки с мадьярами, имевших право на возвращение в Украину в рамках программы опации в 1945–1946 гг. (в связи со вхождением территории в состав Украинской ССР), но его не реализовавших. Согласно полученным данным, на 2 августа 1948 г. на территории Польши, ЧСР, Югославии, Румынии и других стран Восточной Европы имелось 7930 советских граждан (преимущественно женщин), перемещенных в годы войны и вступивших в брак с гражданами этих стран⁵⁸.

В отношении таких лиц в связи с выходом Указа Президиума ВС СССР от 15 февраля 1947 г. «О воспреещении браков между гражданами СССР и иностранцами» между Управлением по делам репатриации и МИД вновь активизировалась переписка относительно признания законности интернациональных браков. Браки советских граждан с иностранцами были запрещены Политбюро 15 февраля 1947 г. Соответствующий Указ принял Президиум Верховного Совета СССР⁵⁹. Указ фактически скорректировал Закон о гражданстве 1938 г.⁶⁰ Норма оказалась восстановлена только в ноябре 1953 г.⁶¹ В разъяснениях Управление неоднократно напоминало МИД, что, следуя букве закона, все интернациональные браки следует отныне рассматривать как «недействительные», но при этом отмечало, что репатриация таких лиц в СССР откладывается «до особого распоряжения»⁶². Согласно статистике МИД, приведенной П. М. Поляном, за границей осталось около 16 тыс. советских женщин, состоявших в браке с иностранцами и имевших от них детей. Больше всего

таких оказалось в Польше (5957 чел.), Чехословакии (1878), во Франции (по разным сведениям — от 1200 до 1800) и Голландии (от 600 до 800). Зато во всей восточной зоне Германии было оставлено лишь 46 (по другим сведениям, 61), а в восточной Австрии — 35 совгражданок, состоящих в браке с немцами или австрийцами⁶³.

Советскому Союзу не удалось избежать появления по итогам войны новой эмиграции. Однако проведение массовой репатриации создало широкие возможности по выявлению перемещенного населения, в том числе лиц, пытавшихся через брак натурализоваться на Западе. Искусно лавируя между легитимацией и запретом, советское государство смогло оптимизировать репатриацию, не допустив при этом массового выезда из страны.

¹ *Lohr E.* Russian citizenship: from Empire to Soviet Union. Harvard University Press. Cambridge Mass., and London, England. 2012. P. 152. (Перевод на русский язык: *Лор Э.* Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 252).

² Такая оценка присутствует в рецензии: *Tyazel'nikova V.* [Book rev.] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Cornell University Press, Ithaca [etc.] 2003, 243 pp. // *International Review of Social History.* 2004. Vol. 49, iss. 2. P. 315.

³ *Лор Э.* Российское гражданство... С. 224 (примеч. 15).

⁴ *Felshinsky Y.* 1) The Legal Foundations of the Immigration and Emigration Policy of the USSR, 1917–1927 // *Soviet Studies.* 1982. Vol. 34, № 3. P. 317–348; 2) К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. London: Overseas Publications Interchange, 1988; То же. М.: Издательский центр «Терра», 1991. 184 с.

⁵ *Alexopoulos G.* Soviet Citizenship, More or Less: Rights, Emotions, and States of Civic Belonging // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2006. Vol. 7, no. 3. P. 487–528. В разделе «Kinship and Citizenship» («Родство и гражданство») (р. 503–508) подробно анализируется советское законодательство.

⁶ *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2002.

⁷ См.: Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Принят на сессии ВЦИК 16 сентября 1918 г. Пункты 103 и 147. Доступ с сайта Российского исторического общества. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12495/mode/in-spect/page/20/zoom/4> (дата обращения: 15.09.2020).

⁸ *Alexopoulos G.* Soviet Citizenship, More or Less... P. 503–504.

⁹ Собрание законов СССР. 1924. Ст. 202 (Положение о союзном гражданстве, от 29 октября 1924 г.; пункты 4, 5, 6).

¹⁰ Кодекс законов о семье, браке и опеке (КЗоБСО) РСФСР 1926 г. Пункты 35, 36. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71711564/> (дата обращения: 15.09.2020).

¹¹ *Белковец Л. П.* Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939-е гг.). Первая часть // *Юридические исследования.* 2013. № 5. С. 296–350.

¹² Об этом подробнее см.: *Belkovez L., Belkovez S.* Gescheiterte Hoffnungen. Das deutsche Konsulat in Sibirien 1923–1938. Essen: Klartext Verlag, 2004. P. 60–61.

¹³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11. С. 223–224.

¹⁴ *Alexopoulos G.* Soviet Citizenship, More or Less... P. 508.

¹⁵ *Телишев В. Ф., Сакаев В. Т.* Государственная политика в области брачно-семейных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // *Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2008. Т. 150, кн. 1. С. 170.

- ¹⁶ Чуракова О. В. Женские судьбы в 40–50-х годах XX в. в СССР. Браки с иностранцами // Россия и современный мир. 2015. № 1. С. 194–198.
- ¹⁷ Советская жизнь, 1945–1953 / сост.: Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова и др. М.: РОССПЭН, 2003. С. 688–695.
- ¹⁸ Полян П. М. Жертвы двух диктатур... С. 441.
- ¹⁹ П. М. Полян ссылается на директиву начальника Главного управления кадров Наркомата обороны № 613/с, которая была распространена в начале апреля 1945 г., см.: Полян П. М. Жертвы двух диктатур... С. 442 (со ссылкой: Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 236. Оп. 2744. Д. 3. Л. 62).
- ²⁰ Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М.: Юрид. лит., 1987–1991. Т. 1. С. 170.
- ²¹ Арзамаскин Ю. Н. Тайны советской репатриации. М.: Вече, 2015. С. 29.
- ²² Кривошеев Г. Ф. Гриф «секретно» снят. М.: Воениздат, 1993. С. 140.
- ²³ Полян П. М. Советские граждане в Рейхе: сколько их было? // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 95.
- ²⁴ Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 6.
- ²⁵ Арзамаскин Ю. Н. Тайны советской репатриации. С. 182.
- ²⁶ Там же. С. 9.
- ²⁷ Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 9.
- ²⁸ Там же. С. 10.
- ²⁹ Там же. С. 11.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 9526. Оп. 6. Д. 71. Л. 22.
- ³¹ Там же. Л. 137.
- ³² Родина зовет. 1945. Июль, № 3 // ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 60. Л. 56.
- ³³ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 71. Л. 260–261.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 106. Д. 151. Л. 150.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 269. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Л. 96.
- ³⁷ Там же. Д. 266. Л. 3.
- ³⁸ Там же. Л. 28–29.
- ³⁹ Там же. Л. 30.
- ⁴⁰ Там же. Л. 94.
- ⁴¹ Там же. Д. 269. Л. 109.
- ⁴² Там же. Д. 266. Л. 113.
- ⁴³ Там же. Д. 269. Л. 30.
- ⁴⁴ Там же. Л. 67–68.
- ⁴⁵ Там же. Д. 266. Л. 4.
- ⁴⁶ Там же. Л. 9.
- ⁴⁷ Там же. Л. 50.
- ⁴⁸ Там же. Д. 258. Л. 350.
- ⁴⁹ Там же. Л. 351.
- ⁵⁰ Шмигель М. Обмены населением СССР с Польшей и Чехословакией в 1944–1947 гг.: аналогии и различия эры политического переселения народов // Запад — Восток. 2017. № 10. С. 221–222.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 258. Л. 353.
- ⁵² Там же. Д. 371. Л. 194.
- ⁵³ Там же. Л. 196.
- ⁵⁴ Там же. Д. 258. Л. 350.
- ⁵⁵ Там же. Д. 371. Л. 195.
- ⁵⁶ Там же. Л. 195.
- ⁵⁷ Там же. Л. 250.
- ⁵⁸ Там же. Д. 491. Л. 151.

⁵⁹ Решение Политбюро от 15 февраля 1947 г. опубликовано в материалах Архива А. Н. Яковлева (со ссылкой: РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.1064. Л.3). URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69332> (дата обращения: 15.09.2020).

⁶⁰ *Alexopoulos G. Soviet Citizenship, More or Less...* P. 518.

⁶¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1953 г. «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 г. “О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами”». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71711564/> (дата обращения: 15.09.2020).

⁶² ГА РФ. Ф.9526. Оп.6. Д.491. Л.97.

⁶³ *Полян П. М. Жертвы двух диктатур...* С.441 (со ссылкой: АВП РФ. Ф.082. Оп.36. П.185. Д.26).

Статья поступила в редакцию 9 октября 2020 г.

Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Аблажей Н. Н. «Замужем за иностранцем...»: шанс на невозвращение в послевоенный СССР // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 4. С. 1045–1062.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.413>
УДК 94(47)

Аннотация: В контексте проблематики репатриации в СССР по итогам Второй мировой войны рассматриваются браки между советскими перемещенными гражданами и иностранцами. Прослеживаются предшествующая политика по отношению к иностранцам и лицам без гражданства, законодательство в области интернациональных браков. Приводятся статистика брачности за 1945–1948 гг., собранная советскими репатриационными службами, механизмы учета и практики репатриации этой категории граждан. На материалах Управления по делам репатриации при СНК/СМ СССР анализируются правовые основы, регулирующие интернациональные браки, и конкретные шаги по противодействию смене гражданства и репатриации в СССР лиц, вступивших в брак с иностранцами. Демонстрируется, как СССР стремился завершить репатриацию из подконтрольных стран Восточной Европы, требуя от сателлитов содействия учету и вывозу всех советских граждан. Показывается, как реальная практика строилась на лавировании между запретами интернациональных браков и их легитимацией, что позволяло оптимизировать репатриацию, нивелировав при этом массовый выезд из страны. Вводится в научный оборот решение советского правительства от 24 июля 1945 г., визированное Сталиным, разрешавшее браки с иностранцами, заключенные в период войны, и действовавшее вплоть до принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 г. об их запрете. Сделан вывод, что СССР не удалось избежать появления новой массовой эмиграции по итогам войны, в том числе в страны Восточной Европы, однако институт брака позволил навязать советское гражданство некоторым «невозвращенцам», что потенциально давало возможности для контроля над этой категорией населения.

Ключевые слова: Вторая мировая война, репатрианты, эмиграция, иностранцы, интернациональные браки, СССР.

Сведения об авторе: *Аблажей Н. Н.* — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт истории СО РАН (Россия, Новосибирск); ablazhey@academ.org

Институт истории СО РАН, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

FOR CITATION

Ablazhey N. N. "Married to a Foreigner": A Chance of Not Returning to the Post-War USSR', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 1045–1062.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.413> (In Russian)

Abstract: This essay investigates marriages between displaced Soviet citizens and foreigners, in the context of problems of repatriation to the USSR after World War II, especially given previous policies on foreigners and persons without citizenship, as well as legislation on international marriages. The article analyses marriage statistics for 1945–1948, collected by the Soviet repatriation services, and the registration mechanisms and practices of repatriation for this category of citizens. Based on materials of the Office for Repatriation under the Council of People's Commissars/Council of Ministers of the USSR, the legal framework for managing international marriages and specific steps to counteract the change of citizenship and repatriation to the USSR by persons who married foreigners are analysed to show how the USSR sought to complete repatriation from controlled countries of Eastern Europe, demanding that satellites assist in the registration and removal of all Soviet citizens. Real practice was based on maneuvering between prohibitions of international marriages and their legitimation, which made it possible to optimize repatriation, while levelling out massive departures from the country. The decision of the Soviet government of 24 July, 1945, endorsed by Stalin, authorising marriages with foreigners made during the war, and this remained in effect until the adoption of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from 15 February, 1947, banning them. The USSR did not manage to avoid new mass emigration following the war, including to countries of Eastern Europe. However, Soviet citizenship was imposed on some "defectors" that potentially made it possible to control this population.

Keywords: World War II, repatriates, emigration, foreigners, international marriages, USSR.

Author: *Ablazhey N. N.* — Dr. Sci. in History, Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Novosibirsk); ablazhey@academ.org

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russia

References:

- Alexopoulos G. *Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936* (Ithaca, 2003).
- Arzamaskin Yu. N. *Secrets of Soviet repatriation* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Belkovets L. I. 'Foreigners in Soviet Russia (USSR): regulation of the legal status and order of stay (1917–1939-e gg.)', *Yuridicheskije issledovaniia*, no. 5, 2013. (In Russian)
- Belkovez L., Belkovez S. *Gescheiterte Hoffnungen. Das deutsche Konsulat in Sibirien 1923–1938* (Essen, 2004).
- Churakova O. V. 'Women's destinies in the 40–50s of the twentieth century in the USSR. Marriages with foreigners', *Rossija i sovremennyi mir*, no. 1, 2015. (In Russian)
- Fel'shtinsky Y. 'The Legal Foundations of the Immigration and Emigration Policy of the USSR, 1917–1927', *Soviet Studies*, vol. 34. no. 3, 1982.
- Fel'shtinsky Y. *To the history of our closeness. Legislative foundations of Soviet immigration and emigration policy* (London, 1988). (In Russian)
- Fel'shtinsky Y. *To the history of our closeness. Legislative foundations of Soviet immigration and emigration policy* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Krivosheev G. F. *The "secret" stamp has been removed* (Moscow, 1993). (In Russian)
- Nuremberg trials. Collection of materials* in 8 vols, vol. 1 (Moscow, 1987–1991). (In Russian)
- Polyan P. M. 'Soviet citizens in the Reich: how many were there?', *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, 2002. (In Russian)
- Polyan P. M. *The victims of the two dictatorships. Life, work, humiliation and death of Soviet prisoners of war and Ostarbeiters in a foreign land and at home* (Moscow, 2002) (In Russian)
- Shevyakov A. A. "'Secrets' of post-war repatriation', *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8, 1993. (In Russian)
- Shmigel M. 'Exchanges of the population of the USSR with Poland and Czechoslovakia in 1944–1947: analogies and differences of the era of political migration of peoples', *Zapad — Vostok*, no. 10, 2017. (In Russian)

Soviet life, 1945–1953, comp. by E. Yu. Zubkova, L. P. Kosheleva, G. A. Kuznetsova et al. (Moscow, 2003). (In Russian)

Telishev V. F., Sakaev V. T. 'State policy in the field of marriage and family relations in the USSR during the Great Patriotic War', *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnye nauki*, no. 150 (1), 2008. (In Russian)

Tyazelnikova V. 'Book Review. Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Cornell University Press, Ithaca etc., 2003, 243 p.', *International Review of Social History*, vol. 49, iss. 2, 2004.

Zemskov V. N. 'Repatriation of Soviet citizens and their further fate (1944–1956)', *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, 1995. (In Russian)

Received: October 9, 2020
Accepted: September 6, 2021